

К вопросу о смертной казни

Аннотация: Народ, достигший высокой степени развития и уважающий нравственную природу человека, начинает сомневаться в состоятельности смертной казни как наказания. Поэтому отмена смертной казни возможна только после коренных перемен, которые должны совершиться в нравственном развитии того или иного народа. Однако неправильно утверждать, что отношение к смертной казни - это показатель нравственного здоровья общества. Причина сохранения или отказа от этого наказания сегодня отдельными государствами зависит также от многих других условий и обстоятельств: традиций, религии, состояния преступности, политических соображений и т.д.

Высказывание отдельных известных мыслителей, в том числе и весьма именитых ученых - юристов относительно смертной казни, - это еще не основание для суждения о ее нравственности или безнравственности. Необходимо существование мнения всего народа.

Ключевые слова: мера наказания; смертная казнь; благо; нравственное чувство; здравый смысл; уголовно-правовой аспект; границы наказания; отказ от смертной казни; пожизненное заключение.

Когда я узнаю, что жрецов Омона из Непати (сегодня это территория Эфиопии), по приказу фараона Эргамена, в качестве меры наказания - смертной казни, бросили крокодилам, а викинга Рагнара Лодброка замуровали заживо в бочке со змеями, и что в Персии, перед тем как резать и рвать куски плоти, приговоренному вспарывали живот и выпускали наружу до шести - восьми

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mori_sid@yahoo.com

метров кишок, - хочется закричать: Я против смертной казни! Это безнравственно и дико! В Англии при Генрихе VIII закон гласил, что разрез следует делать высоко, чтобы палач мог через рану вытянуть язык, а в преамбуле Эдика Франциска I от 1525 года говорилось, как богохульнику следует перерезать горло, «вскрыть его горячим железом, вытащив и отрезав язык», а уж потом повесить. Не верится, что вплоть до XX века сожжение на костре существовало в Японии, Китае и Египте. Так, Шейх Мохаммед ибн - Омар Эль Гури описывает, как это происходит. «Шамгуй» - превращение человека в фитиль. Брели большой неглубокий горшок из обожженной глины и заполняли его паклей, пропитанной дегтем и смолой. Осужденному привязывали руки к длинной палке, расположенной горизонтально на уровне груди. На него надевали железное кольцо, на котором висели четыре - пять длинных цепей. Потом осужденного обмазывали смолой и усаживали в вазу, которую надежно крепили к седлу верблюда. На палке, к которой были привязаны руки осужденного, фиксировали несколько зажженных смолистых фитилей. Лицо преступника также мазали смолой и дегтем и поджигали. Живой факел водили по улицам и городским площадям. В 2013 г. в Саудовской Аравии педофила-убийцу, после обезглавливания, подвергли распятию на костре.

Можно привести бесчисленное количество примеров из истории применения смертной казни, которые свидетельствуют, как на протяжении веков это наказание претерпевало немало изменений, подталкивая к постоянному поиску, можно даже сказать, искательству самых ужасных, отвратительных и жестоких способов, какие только способно породить воображение. Человек старался использовать все свои знания, всю силу своего интеллекта для совершенствования искусства умерщвления. М. Монтескье отмечает: «Врожденной жестокости человека не представлялось более широкого поля деятельности, чем то, которое на протяжении всей истории открывала ему «смерть по закону»» [7, с. 12].

Не довольствуясь простым, грубым способом отсечения головы, которым пользовались древние, общество затратило много труда и таланта на создание более изощренных и усовершенствованных способов исполнения смертной казни, которые, на наш взгляд, отличались более безнравственным характером, хотя человечество шло по пути цивилизованного и культурного развития. Достаточно отметить гильотину, которую изобрели в эпоху Великой Революции французские врачи - доктор Гильотен и доктор Луи - гуманист и ученый. Именно прогресс механики сыграл ключевую роль в возникновении этого средства умерщвления. Затем достижения физики обусловили появление электрического стула, открытия химической науки породили газовую камеру. Очередным шагом стало использование смертной инъекции в качестве нового способа казни. Считается, что это самое гуманное средство. Каким будет следующий шаг, если, конечно, смертная казнь не исчезнет из истории, трудно предугадать. При этом, удивительно, что смертная казнь по своей форме исполнения не была результатом совершенно оригинального творчества государства, а только усовершенствовала способы, созданные еще первобытной культурой. Так, например, дикарь вешал своего обидчика на первом попавшемся дереве, а государство стало устраивать на площадях специальные сооружения - виселицы. И удивительно, что эти безнравственные и дикие казни, которые происходили публично на глазах людей, не останавливали других от совершения жесточайших по характеру убийств и изощренностью по форме исполнения.

Эта мера наказания, противоречащая эстетическому чувству гармонии и красоты, представляющая собой зрелище отвратительное и гадкое, остаток старого варварства, пятно на человечестве, «стыд и укоризну» ему наносящее, к глубокому сожалению, все еще существует. Суть смертной казни, которая понятна каждому, означает физическую ликвидацию или прекращение биологического состояния человека, имеющим на это неоспоримое право субъектом правоприменения. Христианские богословы считают смерть - как самое крайнее, самое страшное выражение мирового зла, отпадение мира от

Бога. Они рассматривают ее, как правило, тройко: смерть физическая - утрата бессмертия, превращение человеческой природы в смертную; смерть духовная - лишение благодати Божьей; и, наконец, смерть - не только кара, но и благо. Мы не намерены, естественно, вступать в дискуссию по этому вопросу, а хотим еще раз подчеркнуть, что смертная казнь - это наказание, которая поражает жизнь - самое ценное, что у нас у всех есть, и которая дается только один раз. Это самое простое и дешевое наказание, не требующее никаких затрат и особых усилий со стороны государства. Именно поэтому, с точки зрения нравственного чувства, смертная казнь, безусловно, противна, вредна и безнравственна, ибо она создает представление, что жизнь человека, совершившего преступление, не есть что - либо неприкосновенное, а наоборот, она может быть принесена в жертву ради общественного блага. Она безнравственна, потому что в отличие от всякого убийства, где есть конкретный убийца - живой человек, при смертной казни нет субъекта преступления, в смысле живого лица, есть только отвлеченный убийца - государство. Однако, кроме чувства нравственности, господствует в реальной общественной жизни принцип здравого смысла, основанный на представлении и вере в объективную необходимость, полезность и справедливость существования смертной казни как средства защиты общего блага от жестоких преступлений и злодеяний. Что бы ни говорили противники этого наказания, она имеет одно только хорошее преимущественное качество: смертная казнь весьма примерна, необыкновенно устрашительна и в этом плане не может быть никакого сравнения между нею и тягчайшим из всех видов лишения свободы - пожизненным осуждением, ибо как ни мрачна и безотраднa жизнь вечного заключенного, все-таки представление о потере жизни оказывает более сильное впечатление на человека, чем жизнь вечного узника. Вот почему сейчас, в XXI веке, когда мы сталкиваемся с конкретными фактами, как преступник на глазах малолетних детей насилует их мать и жестоко убивает ее, отрезав горло, а потом, чтобы скрыть следы преступления, топит этих детей в ванне; как преступники, после ограбления дачи, сжигают живыми всю семью вместе с

домом, и как преступник насилует несовершеннолетних девочек и потом их убивает, - задаемся вопросом: на самом ли деле смертная казнь бесполезна и вредна, не справедлива, а значит, и безнравственна? Что делать, как поступить с теми, по вине которых в Беслане 1 сентября 2004 г. погибло 334 человека, в том числе, 186 детей? Имеют ли эти преступники право на жизнь? Люди порой задаются совершенно справедливым и простым вопросом: разве человек, совершивший ужасные, мучительные серийные убийства с изнасилованием, типа Чикатило, не заслуживают лишения жизни? Ведь никто не может возражать против того, что это очень мощный аргумент в пользу смертной казни и справедливости, а значит, нравственности ее применения, ибо желание отомстить, хотя оно и имеет эмоциональную основу, в человеке было всегда и есть сегодня, и будет, пока он существует. Да, смертная казнь - остаток старого варварства. Но ведь убивать и насиловать других - это тоже остаток прошлого. Разве эти качества мы не унаследовали от своих предков-варваров?

Разве характер и способы убийств и изнасилований сегодня отличаются своим гуманизмом или нравственностью от тех, которые совершались нашими предками? К сожалению, появились лишь новые, более изощренные, мучительные, жестокие и циничные методы и средства их достижения, приводящие к многочисленным жертвам. Мы согласны и с тем, что цивилизованное общество в идеале не должно иметь такой меры наказания, как смертная казнь. Однако в таком обществе не должно быть убийств и насилий, которые сейчас не только имеют место, но и расширяются, возрастают, ожесточаются, хотя человечество в процессе своего развития всегда стремилось и сейчас стремится превратить казнь из жестокой бесчеловечной процедуры в чисто клиническое явление, которое при исполнении происходило бы мгновенно и максимально избавило бы казненных от лишних физических страданий. И это не может не оказывать соответствующее влияние на нравственное чувство человека относительно смертной казни. И то, что сегодня в XXI веке перед человечеством поставлен принципиальный вопрос: быть или не быть смертной казни, еще раз

свидетельствует о бесспорном и решающем значении нравственной и этической стороны этого вида наказания, не отрицая, естественно, роли уголовно - правового исследования этой проблемы. Следует всегда помнить, что «сознание этической недопустимости смертной казни достигается не столько логическими рассуждениями, сколько апеллированием к этому нравственному чувству, к совести культурного человечества» [2, с. 207]. С древнейших времен люди размышляли о значении и нравственной сущности смертной казни. Было выдвинуто бесчисленное множество философских, уголовно - правовых теорий и идей, начиная со времен греков.

Одни рассматривали смертную казнь, как, впрочем, и другие наказания - нравственной, этической необходимостью, другие - необходимостью социальной. Очевидно одно: вряд ли существует в области уголовного наказания проблема, так тесно связанная с нравственностью, как проблема смертной казни. Удивительно, если история нам ничего не сохранила от какого - то народа, кроме его формы исполнения смертной казни, мы в состоянии определить уровень его нравственного и культурного развития. Нравственность и смертная казнь, хотя и, вроде бы, обыденные и простые слова, общераспространенные понятия, однако они имеют и историческое, всемирное значение, ибо созданы не каким - либо одним народом и не одной исторической общественной эпохой. Они также стары, как старо само человечество. Вот почему нравственность и смертную казнь следует рассматривать как явления всемирной истории человечества. По мере того, как усложнялась и развивалась жизнь человечества, и развивались понятия нравственности и смертной казни, каждой ступени развития общества соответствовала особая система и характер наказания, которая должна была обязательно соответствовать нравственному состоянию самой нации.

Многие, достаточно известные и авторитетные умы, высказывали мысль, что настанет время для полного уничтожения смертной казни. Так, например, Н.С. Таганцев писал: «... Не надо быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов и для наших

потомков сам спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас спор о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников» [12, с. 190].

Эти слова были сказаны более ста лет тому назад, однако эта мера существует и реально применяется во многих странах мира, с гордостью указывая нам о пройденном долгом кровавом пути и о будущих жертвенниках в половине всего человечества.

Но правда и то, как писал М.Н. Гернет, «что все еще странная своею силою, продолжающая сокрушать ежегодно сотни человеческих жизней, она с каждым годом слабеет», ибо «не зная ранее врагов, не имевшая противников, она теперь принуждена вести упорную борьбу за свое сохранение, и в лицо ей все чаще бросают позорные упреки и тяжкие обвинения» [2, с. 133]. И самое важное в этой борьбе, чтобы все дискутирующие учитывали реальности жизни, а не были абстрактными гуманистами или, что еще хуже, - вечными и твердокаменными сторонниками смертной казни, которых В.Е. Квашиц причисляет к «граничащим с инстинктивными чувствами», противников же, разумеется, к «взывающим к разуму» [5, с. 557]. Для нас очевидно лишь одно: не отрицая огромного значения различных точек зрения, полагаем, что в настоящее время эта проблема должна быть переставлена на нравственную почву. Нужно осознать, что в XXI веке именно нравственная сторона смертной казни, а не здравый смысл, имеет бесспорное и решающее значение при ответе на вопрос: быть или не быть этому наказанию. Сказанного нами было бы, в принципе, вполне достаточно для уяснения сути проблемы смертной казни, если бы не обилие философских вопросов вокруг нравственной сущности этого наказания. Пожалуй, самый важный, центральный вопрос этой проблемы следующий: оправдана ли нравственность смертной казни?

Ответ будет положительным, если, в первую очередь, эту меру реакции общества можно будет отнести к категории наказаний. В противном случае, то есть, если это не - наказание, отпадает смысл и значение в рассмотрении ее

нравственности или безнравственности. С практической точки зрения, можно поставить вопрос таким образом: что должно считаться наказанием?

Ответ простой: наказание - особое специфическое средство в руках государства или другого субъекта, обладающего соответствующими правами на его принятие и применение, для достижения определенных целей.

Именно так понимает, приблизительно, наука уголовного права, понятие наказания. Ну, а если более конкретно, то традиционно законодательство дает следующее определение наказания: «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда». Такое юридическое определение, как мы понимаем, дает возможность субъекту выбирать и применять любое средство, в том числе, естественно, и смертную казнь, в качестве наказания. В таком случае приходится признать, что смертная казнь, как вид наказания нравственно оправдана, так же как и другие виды, если она необходима, полезна и справедлива. Этого требует здравый смысл и логика. Однако это еще не означает, что она подходит под истинно философское понятие наказания, которое непосредственно связано с правами человека, в том числе с правом на жизнь, ибо при смертной казни преступник фактом преступления лишается своих прав, в широком смысле слова. Иначе говоря, отнимается у него первое условие всякого права - существование.

Логически все, вроде бы, верно, ибо пока у преступника, совершившего даже самое тягчайшее преступление, остается какое - либо право, наказание продолжает по-прежнему иметь уголовно - правовой смысл. Но стоит отнять у него права без исключения, тогда наказание лишается своего необходимого элемента - уголовно - правового субъекта и превращается в не - наказание. На самом деле, если мы наказание рассматриваем как государственное осуждение, которое поражает преступника в определенных правах, то правильно ли смертную казнь считать наказанием, если виновный лишается своей правосубъективности, становится

бесправным перед государством, превращается из человека в другое живое существо.

Если наказание имеет смысл и ценность до тех пор, пока существует еще правовой субъект, как носитель идеи права, как член правового союза, то, действительно, вряд ли смертную казнь можно считать наказанием. Это означает абсолютную власть государства над личностью. А как же быть с признанием неотъемлемых прав человека? Ведь воздействие государства на личность посредством наказания, как реакции на поведение, имеет пределы самую сущность наказания. Государство, в зависимости от сложившейся ситуации, в целях усиления охраны безопасности общества, может перейти эти пределы границы. Однако этот оправдываемый переход есть заведомо уже не правовое наказание, то есть не уголовно - правовой акт, а акт временной общественной безопасности. Так бывает, как правило, после революций или во время войны. Поэтому в данном случае речь идет об отделении наказания, как средства противодействия преступности и меры общественной безопасности. Оправдан ли, в таком случае, переход предела границ наказания при резком увеличении тягчайших преступлений, умышленных убийств, то есть тогда, когда криминогенная ситуация находится в критическом состоянии? Конечно же, при определении предела границ, следует исходить, в первую очередь, из того, что личность не бесправна, а носительница неотчужденных прав, не подлежащих нарушению со стороны государства, содержание и объем которых может меняться для каждой данной эпохи, для каждого народа, но идея наличия каких - то неотъемлемых прав остается неизменной. Поэтому преступник, какое бы он не совершил тяжкое преступление, не лишается своих прав и, в первую очередь, - право на жизнь, которое дано ему с рождением. Может быть, это оговорено общественным договором, и человек дал свое согласие на это в случае крайней необходимости взамен обязательства со стороны государства на безопасность его жизни и жизни близких ему людей? Если такая договоренность была и личность сознательно и добровольно пошла на такое соглашение, тогда можно сказать, что одно из важнейших условий

нравственных начал смертной казни соблюдено. В таком случае, вряд ли можно поверить в идею о том, что общество в лице государства присвоило себе то право, которое принадлежит абсолютно только суду Божию, как выражение Божественного всеведения. Если же, как говорил Антон Чехов, на самом деле, «государство - не Бог», оно не имеет право отнимать то, что не может вернуть, если захочет, и что это право принадлежит только самому Создателю, то тогда действие общества, безусловно, следует рассматривать, выражаясь словами В.С. Соловьева, как «нечестивое, бесчеловечное и постыдное», а значит, принципиальное отрицание коренного нравственного отношения к человеку. Смертная казнь в таком случае является безнравственной, потому что жизнь человеческая священна, неприкосновенна, дар Божий. В самом деле, зачем человеку надо передавать государству право на лишение его жизни, которая является его естественным правом, данным ему Богом? И вообще - где предел прав, переданных индивидуумом для защиты общих благ? Ведь с таким же подходом можно утверждать, что индивидуум, член общества, не передавал государству право и на пожизненное лишение свободы, ибо и свобода - это его естественное право, данное Божеством.

Можно, конечно, спорить, высказывать свое мнение относительно этих философских вопросов. Но факт остается фактом: это право оказалось в руках государства, у которого нет большей власти над человеком - преступником, чем возможность лишить его жизни. Именно поэтому центральным вопросом, как с правовой, так и нравственной точек зрения, является вопрос о том, имеет ли государство право лишать человека жизни. Ч. Беккариа еще в свое время говорил, что смертная казнь не опирается ни на каком законном праве, и, следовательно, она несправедлива, безнравственна. Не ссылаясь на других авторов, отметим только, что все они за основу своего мнения берут естественное право человека: одни утверждают одно, а другие - совершенно противоположное, в то время как само это основание с научной точки зрения вызывает сомнение. Будем исходить из того, что, действительно, с появлением государства, человек решил свое право убивать нападающего на него передать

новообразованному органу, говоря: уважайте мою жизнь, защищайте ее, со своей стороны я буду точно также действовать в отношении остальных, то есть и я обещаю никому не отнимать жизнь; согласимся взаимно быть лишенным жизни со стороны государственной власти, если несправедливо лишим жизни одного из своих членов сообщества. Данное негласное, добровольное соглашение между властью и индивидуумом, практически, означает, что не государству дано право применять смертную казнь, а преступник потерял право жить, а общество не создает нового права, а только пользуется старым естественным правом, становясь при использовании этого наказания на место частного лица. А из всего этого вытекает, что за личностью остается право отнять переданное когда - то государству свое право кровной мести, если он видит явное нарушение принципа справедливости, оговоренный и утвержденный в договоре.

Следовательно, если когда - то члены общества это свое право передали государству, исходя именно из необходимости, полезности и справедливости, то только они сами могут отказаться от применения смертной казни тогда, когда убедятся в ее бесполезности и безнравственности. Как говорил В.Д. Набоков в свое время: «Как рабство, как пытка, как увечные наказания, смертная казнь будет изгнана из законодательства не теоретическим только рассуждением, а немолчным, все растущим и всех охватывающим протестом возмущенного нравственного чувства» [8, с. 209].

Почему же сегодня только половина человечества отказалось от смертной казни, если все согласны с тем, что эта мера безнравственна? В свое время Ч. Беккариа высказал следующую мысль: «Суровость наказаний должна соответствовать состоянию самой нации. На грубые души народа, едва вышедшего из состояния дикости, необходимо действовать более сильными и более чувствительными впечатлениями. Нужна молния, чтобы сразить свирепого льва, выстрел из ружья только раздражит его. Но по мере того, как душа людей, живущих в обществе, смягчается, возрастает их чувствительность... должна уменьшаться сила наказания» [1, с. 156].

Следовательно, отказ от смертной казни зависит от уровня развития той или иной нации. Что вкладывал в понятие состояние самой нации Ч. Беккариа, догадаться не трудно. Конечно же, речь идет не о культуре или цивилизации, а об уровне нравственного сознания. Поэтому утверждение европейцев о том, что существование смертной казни свидетельствует не только о несоблюдении принципов и основ нравственности, но и характеризует низкий уровень культурного развития тех или иных народов - неверно и абсурдно. Культура - всегда национальна, никогда - не интернациональна. Поэтому общего уровня культуры существовать не может.

Европейцы, как известно, первыми пошли по пути отказа от смертной казни, ибо эта мера, по их убеждению, уже не соответствует их уровню нравственного сознания и развития, в широком смысле слова. Согласимся с тем, что такие качества, как: нравственные знания, суждения, чувства, поступки, для европейцев стали убеждениями, руководством в сфере нравственной деятельности. Но ведь нравственный уровень японцев несколько не ниже, чем у немцев или французов. Почему же эта нация, как показывает статистика, подавляющим большинством поддерживает наличие смертной казни в этой стране? А потому, что отношение к этой мере наказания зависит не только от уровня нравственного сознания того или иного народа, но и от других причин, имеющих под собой религиозные, философские, юридические, политические и, даже, традиционные основы.

Смертная казнь и религия. Все мы прекрасно знаем, что система наказаний в исламских государствах предусматривает смертную казнь не потому, что нравственный уровень этих народов ниже тех, которые отменили эту меру наказания, а это вытекает из Корана, который, в первую очередь, направлен именно на защиту нравственных принципов жизни и поведения мусульман.

Исходя из этого, наказание ислама направлено на защиту пяти основных ценностей - религии, жизни, разума, продолжение потомства и собственности. Вот почему за мужеложство двух совершеннолетних людей предусмотрена смертная казнь; за пьянство, которое наносит существенный вред

человеческому разуму, способствует его деградации - 80 ударов плетью. Роль наказания - защита нравственного состояния мусульман, от которого зависит благополучие всей общины. Это, несомненно, обладает огромным противодействием преступлениям.

Религия Ислама в отличие от Европейцев считает, что должно быть жесткое наказание за гомосексуализм, который развращает нацию. Современный исламский ученый Надия - аль - Авади, проанализировавший статистические данные о связи педерастии с болезнями крови, пишет: «Глядя на эти цифры, начинаешь задумываться о том, что уничтожение Аллахом Содомы было проявлением Его Милосердия ко всему человечеству, потому что неизвестно, какие страшные болезни могли распространиться из этого города по всей земле. Поскольку в те времена медицина была на очень низком уровне, эти болезни могли уничтожить все население планеты» [9, с. 60]. По обоснованному мнению Клеймёнова И.М., «антикриминогенный потенциал Ислама обусловлен пониманием морали как нравственного закона. Мораль для мусульман не является совокупностью субъективных (а вследствие этого изменчивых) представлений о добре и зле; мораль представляет собой объективно существующий и действующий неизменный закон, дарованный Богом и обладающий практической значимостью. Грех есть преступление против нравственного закона» [6, с. 221]. В современных светских странах мусульманского мира уголовное законодательство, в особенности система наказания, не основана на традиционном праве ислама, за исключением некоторых государств. Так, например, в Судане продолжают использовать принцип талиона: «зуб за зуб». В Иране совершение умышленного убийства по-прежнему влечет кisas в виде смертной казни или выплаты компенсации в установленном размере, при наличии на то компенсации в законном порядке.

Система наказаний в Саудовской Аравии включает как смертную казнь, так и телесные наказания. В тюрьмах этой страны содержится около 26 тыс. человек, почти половина из которых - иностранцы (46 %). После введения в

Саудовской Аравии в 1987 г. смертной казни за контрабанду наркотиков в стране были отсечены головы десяткам иностранных граждан [11, с. 76].

Бесспорно то, что жесткая система наказаний, в том числе смертная казнь, еще сохраняется именно в странах с сильной исламской традицией. В 2012 г. в уголовное законодательство Кувейта была принята поправка, согласно которой богохульство или оскорбление Пророка Мухаммада должно караться смертной казнью, если обвиняемый признает это в суде и не откажется от своих слов. Вспоминается и громкая история с суданским врачом Мериам Яхья Ибрагим, которая была приговорена судом к смертной казни через повешение за отступничество от ислама, а затем помилована. Суть наказания, по Корану, - только часть значительно большего интегрированного целого. Оно считается неотъемлемой частью понятия правосудия. Значение и функции наказания определяются, прежде всего, отношением к понятию преступления. Самое главное заключается в том, что наказание, по Корану, предназначено для того, чтобы поддержать в членах данного сообщества чувство справедливости, публично осуждая те действия, которые выходят за установленные Аллахом границы.

Смертная казнь и традиции. Трудно понять причины существования смертной казни в Японии без уяснения культуры и психологии этого народа, которые обусловлены специфическими особенностями менталитета и психологии японцев, неразрывно связанные с многовековыми традициями и обычаями страны. А от исторически сложившихся атрибутов общественной жизни в Японии отказываться не принято. Вот почему смертная казнь в Японии - это также свидетельство сохранения вековых обычаев и традиций, принятый уклад жизни, а не низкий уровень нравственного и культурного развития народа.

Пожалуй, Япония - одна из немногих стран, которая веками «цеплялась» за свою уникальность и собственное своеобразие, как огня опасаясь европейского влияния.

Помимо этого, следует понимать, что уникальность, особенность наличия смертной казни в Японии, заключается также в существовании по сегодняшний день в этой стране специфических национальных форм социального контроля, где основополагающими являются традиционные общинные и моральные ценности, хотя страна переняла экономические и демократические принципы Запада. Этим объясняется, что доля убийств в Японии в структуре преступности в последние 50 лет не превышает 0,2 %, а доля насильственных преступлений в общей структуре преступности десятилетиями не превышала 1,5 %. Сравнительные данные ежегодных обзоров ООН свидетельствуют об эффективности японской системы воздействия на преступность, в особенности на категорию особо тяжких преступлений, что указывает на долговременную и, в целом, куда более благоприятную тенденцию развития преступности.

Японцы и по сегодняшний день по своим нравам и по своей структуре психологии отличаются от европейцев, которые, как известно, считают себя наиболее нравственно развитыми, забывая о том, что понятие нравственности у каждого народа, нации имеет свою оценку и свою историю. Пожалуй, японцы - это одна из тех наций, которая отказывается копировать западное законодательство, в частности уголовное, в части отмены смертной казни. Сравнивая менталитет и психологию японцев с европейцами, надо будет признать: это не просто другая нравственность и культура, обычаи и традиции, это - разные цивилизации, с различным историческим прошлым и философским воспитанием. Верность долгу, вежливость, мудрость, спокойствие, терпимость, вера, чувство стыда за неблагоприятные поступки - все эти устои основаны на конфуцианстве, основной принцип которого гласит: «Народ не должен знать законов, а лишь подчиняется им». А из этого вытекает следующее положение: «Неизвестность грядущего наказания удерживает от совершения преступления сильнее, чем точное знание определенного наказания».

В отличие от японцев, существование смертной казни в некоторых странах не связано с национальными традициями, а обусловлено криминогенной ситуацией, то есть, с состоянием умышленных убийств в стране. Отрицая

смертную казнь с позиций нравственности, эти страны, тем не менее, уверены в том, что эта мера наказания обладает самым высоким качеством противодействия преступности. Рост преступности и характер преступлений, новые совершенные методы, средства и орудия убийств, имеющие массовый характер, все чаще заставляют многих задуматься о целесообразности и полезности сохранения смертной казни как средства устрашения. Еще Б.Н. Чичерин писал, что, если для защиты общества требуется устрашение преступников, то в этом отношении смертная казнь действует всего сильнее. Это - одно, перед чем останавливаются закоренелые злодеи, которые даже на пожизненное заключение смотрят весьма равнодушно. Для общества полезно отсечение зараженного члена. Если есть неисправимые преступники, то лучше всего от них отделаться разом [15, с. 156]. Хотя и полезность смертной казни, с точки зрения достижения поставленной цели, и является спорным, тем не менее, следует признать, что страх смерти - серьезный барьер для преступника. Даже, исходя из обычного здравого смысла, люди боятся смерти более других самых тяжелых наказаний.

Смертная казнь и политика. Институт смертной казни уже давно вышел за пределы уголовной политики и стал проблемой государственной политики. Поэтому принятие решения относительно смертной казни не всегда связывалось с реальной криминогенной ситуацией в стране, с национальными традициями, обычаями народа, с нравственным состоянием и уровнем сознания общества. В частности, это относится к странам постсоветского пространства. Нецелесообразно под политическим давлением принимать идеи о характере наказания, в частности о смертной казни, без на то объективных условий.

Вот почему полагаем, что многие современные государства, не учитывая этих особенностей своего народа, поспешили с принятием решения об отказе от смертной казни чисто из политических соображений, естественно, под давлением Европы.

Ошибочно полагать, что, отказавшись от этого наказания, европейцы будут считать их народами, достигшими европейского уровня развития.

Европа, естественно, пытается убедить другие народы в том, что она цивилизованнее и уровень ее культуры выше, чем у остальных народов. В настоящее время европейцы, действительно, располагают сильными средствами воздействия на другие народы, в том числе, в плане законодательной деятельности, полагая, что более цивилизованны, чем остальные, что их нравственный уровень выше остальных народов планеты. При этом, под цивилизацией они понимают ту культуру, которую выработали романские и германские народы Европы. Соответственно, под цивилизованными народами понимают, прежде всего, опять-таки тех же романцев и германцев, а затем - те другие народы, которые приняли европейскую культуру.

Однако следует признать, что в отличие от многих народов, европейцы от теоретической стороны морального сознания, живут уже давно принципами практической стороны, то есть для них нравственный выбор в практической деятельности - норма их жизни. Именно по этой причине, у них уровень преступности ниже, чем у остальных, в частности у народов постсоветского пространства. А из этого следует, что необходимости в жесткой системе карательных мер, а также в смертной казни, у европейцев нет.

Смертная казнь и общественное мнение. Нельзя забывать, что во многих странах и общественное мнение за сохранение этой меры наказания и не только в тех странах, где существует смертная казнь, но и в отказавшихся от нее.

В 2001 г. один из самых представительных опросов населения России показал, что за смертную казнь высказалось 72% опрошенных. Опросы в этом же году в разных странах следующие: в Чехии - 58%, в Венгрии - 64%, в Польше - 72%, в Литве - 76%. Уже в 2000 г. за отмену моратория на казнь высказались в России - 84%. Во всех странах, где существует смертная казнь, общественное мнение за ее сохранение.

Следует отметить, что многие страны, в том числе Великобритания, Франция, Италия, Литва и другие, отказались от этого наказания, несмотря на то, что против такого решения возражало подавляющее большинство

населения. На самом деле, почему любые доводы против смертной казни «как волны ультразвука, практически, не касаются слуха населения, особенно, если оно ожесточено, погружено в свои заблуждения, как в российские болота, и никаким образом не хотят из них выбраться» [10, с. 118]. Однако, как видно по географии опроса, дело не в болоте. Причина гораздо более серьезная и глубокая.

Смертная казнь и пожизненное заключение. Если мы отказываемся от смертной казни ввиду того, что она безнравственна в современных условиях человеческой цивилизации, то необходимо найти ей заменитель, который был бы, с одной стороны, более нравственным, а с другой - дающим не меньший устрашающий эффект, ибо основная задача, стоящая перед обществом, заключается в предупреждении тяжких и особо тяжких преступлений. Без сомнения, пожизненное лишение свободы, заменяющее в настоящее время смертную казнь во многих странах мира, является достаточно суровым предупредительно - устрашающим воздействием, чтобы удержать от преступления и самого решительного человека. Однако следует признать, что страх перед смертной казнью сильнее любого другого вида наказания. В этом смысле, ей не существует альтернативы. Преступник, которого ведут к исполнению смертной казни, предпочитает самое жестокое и длительное лишение свободы, самые тяжкие работы и условия отбывания, чем потеря жизни. Поэтому следует согласиться с тем, что страх смерти - серьезный барьер для преступника. В.Н. Жуковский писал: «Казнь - не что иное, как представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный, установленный самим Богом. Смертная казнь как угрожающая вдали своим мечом Немезида, как страх возможной гибели, как привидение, преследующее преступника, ужасна своим невидимым присутствием, и мысль о ней воздерживает многих от злодеяний» [3, с. 186].

Поэтому доводы о том, что страх пожизненного лишения свободы способен удержать от совершения преступления в такой же степени, в какой

смертная казнь, опровергают научными данными психологии, социологии и др. наук. Что же касается нравственности пожизненного лишения свободы по сравнению со смертной казнью, то и тут возникают вопросы: не есть ли пожизненное заключение мучительством? Нравственно ли узаконивать пожизненное мучительство? Еще Ч. Беккариа считал, что пожизненная каторга представляет собой постоянный и исполненный тяжких страданий пример, когда человек, лишенный свободы, возмещает своим каторжным трудом ущерб, нанесенный им обществу [1, с. 170].

Хотя сегодня не существует каторжных работ, тем не менее, психологами достоверно установлено, что длительное нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям в психике человека. Поэтому не совсем понятно, почему лишение человека свободы до конца жизни считается более нравственным, чем казнь. И.И. Карпец прав, когда утверждает, что заменить смертную казнь пожизненным заключением - не значит сделать доброе [4, с. 361].

Когда государство применяет смертную казнь, оно преследует определенную цель остановить любыми средствами преступность, которая нагло и массивно наступает, когда умышленные тяжкие убийства стремительно растут, когда другие формы наказания бесполезны. Разве это безнравственно? Разве общество не может обратиться к убийцам и сказать: «Жизнь твоя стала опасной для жизни твоих ближних, так как ты не признаешь за ними права жить, она перестала быть священной для меня, потому что ты злоупотребляешь ею, она не принадлежит больше тебе самому; я приношу ее в жертву моему праву, спокойствию и безопасности» [14, с. 195].

Чего же хочет достичь государство пожизненным заключением? Только одного - мучительство, страдание, боль, безнадежность и ожидание смерти в заключении, и ничего более.

Итак, нравственна ли смертная казнь? Если исходить из того, что нравственность - это совокупность норм, определяющих поведение человека в обществе, отношения между индивидуумом и группами, а смертная казнь - это

средство для достижения поставленной цели, то возникает сомнение в обоснованности постановки самого понятия «нравственность смертной казни». Более правильным можно считать использование понятия «нравственность общества», которое и является субъектом права на применение этого наказания. Можно ли по наличию смертной казни судить о степени духовного и нравственного состояния общества? Народ, достигший высокой степени развития и уважающий нравственную природу человека, начинает сомневаться в состоятельности этого наказания. Поэтому отмена смертной казни возможна только после коренных перемен, которые должны совершиться в нравственном развитии того или иного народа. Однако неправильно утверждать, что отношение к смертной казни - это показатель нравственного здоровья общества. Причина сохранения или отказа от этого наказания сегодня отдельными государствами зависит также от многих других условий и обстоятельств: традиций, религии, состояния преступности, политических соображений и т.д. Высказывание отдельных известных мыслителей, в том числе и весьма именитых ученых - юристов относительно смертной казни, - это еще не основание для суждения о ее нравственности или безнравственности. Необходимо существование мнения всего народа.

Библиография

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.
2. Гернет М.Н. Смертная казнь и общественное мнение. В сб.: Смертная казнь: За и Против. М., 1989.
3. Жуковский В.А. О смертной казни. Соч., т. XI. СПб., 1857.
4. Карпец И.И. Польза или зло? - Смертная казнь: За и Против. М., 1989.
5. Квашиц В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008.
6. Клеймёнов И.М. Сравнительная криминология. М., 2012.

7. Монтескье. Смертная казнь. История и виды высшей меры наказания от начала времен до наших дней. М., 2008.
8. Набоков В.Д. Сб. Смертная казнь: За и против. М., 1989.
9. Надия - аль Авади. Гомосексуализм. Любовь и Секс в исламе. Сб. статей. М., 2004.
10. Приставкин А. И. Долина смертной тени. Роман - исследование на криминальные темы. Дружба народов, №12, 1999, с. 113-121.
11. Саудовская Аравия: приглашение на казнь. Азия и Африка, 1955, №5, с. 72-79.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. М., 1994.
13. Франк Ад. Философия уголовного права в популярном изложении. В сб.: Философия уголовного права. Под ред. Ю.В. Голика. СПб., 2004.
14. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2010.